

Е ЯНА
ЕГОРОВА

Наследница
де М ШОВИНИСТОВ
АРМОНТЕЛЬ 2

СЕРИЯ РОМАНОВ:
ТЁМНАЯ СТРАСТЬ

Яна Егорова
Наследница шовинистов
де Мармонтель 2
Серия «Темная страсть», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51286603

Аннотация

Эврард арестован, Лулу получила свои документы и может отправляться домой. Какое же решение она примет? Останется пленницей в доме своих настоящих родственников или все же сбежит от злого брата? И такой ли уж злой Валентин де Мармонтель? Кто в этой истории настоящее зло и что ждет маленькую Лулу в стране, которая оказалась ее родиной? Развитие истории во второй части принимает неожиданный поворот!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Яна Егорова

Наследница шовинистов де Мармонтель 2

Глава 1

После безуспешных поисков по округе, Валентин де Мармонтель вернулся в свой кабинет на первом этаже старинного замка постройки одиннадцатого века, где застал мирно отдыхающих медиков. Доктор Годар попивал молодое вино, пожилой толстяк вопиюще вальяжно расселся в рабочем кресле владельца замка. Доктор психологии Моник Прежан вела себя немного скромнее – она разглядывала сейф, вскрытый неизвестными злоумышленниками несколько часов назад.

– Валентин, мой друг, я считаю, ты зря волнуешься! – Годар поднял свой бокал в воздухе, салютуя запыхавшемуся де Мармонтелю.

– Если бы я нуждался в вашем мнении, Жерар, – Валентин с порога ринулся прямо к своему столу и остановившись в сантиметрах от него, бросил туда свои кожаные перчатки, – я бы непременно сперва поинтересовался насчет него, а уж потом отправлялся в погоню.

– Не стоит так нервничать, месье де Мармонтель! – Годар не заметил негативной реакции, брошенной в его сторону. – Ты сам посуди – сейф взломан. Это сделали именно в тот момент, когда в доме было наибольшее скопление людей. У мошенника точно был надежный план отступления. Может быть, даже два. И, поверь, он уже далеко отсюда. Какой смысл гоняться по округе за приведениями?

Моник тоже развернулась всем корпусом к вошедшему:

– Валентин, как бы это не было противно, но Годар прав. Слишком наглое преступление. Боюсь, твои деньги уже не вернуть. Надеюсь, там больше ничего ценного не было?

– Я вообще не понимаю, откуда столько суматохи вокруг денег? – поддержал женщину Жерар. – Ты же никогда не был жадным, Валентин. Только не говори мне, что ты хранил наличностью миллион!

Валентин, стоя на старинном паркете в грязных от земли ботинках, несколько раз топнул, с отвращением глядя на то, как крупные комки земли отскочили от подошвы и остались лежать на полу.

– В сейфе были не деньги. Кое-что гораздо более ценное.

По лицу молодого де Мармонтеля невозможно было определить его истинное настроение – оно как обычно было очень скупое на мимику. Короткая, вежливая полуулыбка, застывший взгляд, не реагирующий больше на слова и замечания. За время поисков он успел осознать случившееся и взять себя в руки. Оба доктора были прекрасно знакомы с

подобным поведением. Валентин обладал холодным, расчетливым умом и был воспитан с осознанием того, что его поступки не будут ограничены практически ничем. В редких случаях законом, но и здесь можно всегда применить деньги и найти выход. Именно поэтому обижать или быть в плохих отношениях с подобным представителем богатого мира было крайне опасно.

– Да, бог с ними, с твоими бриллиантами! – наигранно и несколько нервозно рассмеялся Годар. Полный мужчина вытер пот со лба платочком, который успел выудить из кармана брюк. – Ты лучше скажи, не ты ли так удачно пригласил к себе на огонек полицейских? Насколько своевременно, а? Все по нотам рассчитал, по секундам!

– Он, кому же еще? – усмешка доктора Моник блеснула ярко-красной помадой в мерцании теплого света, источаемого десятком свечей в кабинете де Мармонтеля. Здесь, как и в малой гостиной, был погашен электрический свет и зажжены свечи – после отъезда полиции оба доктора спрятались от общей ночной суеты в этом укромном уголке, принадлежавшем исключительно заносчивому хозяину дома.

– Великолепно! – с восторгом похвалил Валентина седой Годар. – Великолепно, господин де Мармонтель! Если бы я не был столь пьян, непременно встал бы и отвесил вам учтивый поклон. Может быть даже два!

– К сожалению, господа. Мне придется вас разочаровать. Это не я.

Моник Прежан моментально встрепелась, женщина отошла от сейфа и медленно направилась к де Мармонтелю, только что устало упавшему в одно из кресел, обитых шелком в стиле Людовика XV.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что сказал, – вымолвил измотанный аристократ. Русые волосы на его голове были мокрыми, они прилипли ко лбу и постоянно лезли в лавандовые глаза своего владельца. – И Эврард меня сейчас интересуется меньше всего! Я хочу найти то, что у меня украли!

– Правда? Мне уже интересно, что же такое ценное было украдено, раз уж смогло переключить все твоё внимание с твоего врага на себя?

– Дорогой Годар, – с сарказмом выплюнул имя старого знакомого де Мармонтель, – лучшее, что вы сейчас можете сделать – это отправиться спать и не мешаться у меня под ногами!

Оба врача переглянулись, Толстяк, ухватившись за край стола, с трудом встал на ноги. Оба покинули помещение, побоявшись долее обременять своим присутствием владельца замка. Валентин не любил повторять. Они оба были прекрасно с этим знакомы. Уже миновав малый зал, Прежан все-таки спросила своего захмелевшего коллегу:

– Как думаешь, это действительно не он упек за решетку де Даммартена?

Годар немного пошатнулся, но все же устоял на ногах.

Из его горла вырвалась отрыжка, заставившая наморщиться тонкий нос его спутницы.

– Если бы это сделал Валентин, он бы этим хвастался. Как он гордится своим предком. Это был бы прекрасно разыгранный ход и его триумфу не помешала бы какая-то кража. Нет, Валентин точно ничего об этом не знал.

– Он же читал главу именно о похожем случае! Разве могут быть такие совпадения?

– Могут, Моник, могут. А в этом доме и подавно. Валентин слишком давно сидит на своем царском коне, почему бы не случиться легкой потере бдительности? У него достаточно врагов, насколько мы с тобой знаем.

Глава 2

Ночь закончилась для всех обитателей замка де Мармонтель. Хозяин, гости, прислуга – все легли спать.

Все, кроме одной обительницы третьего этажа.

Той, кто, дождавшись визита брата в свою спальню, как только Валентин покинул ее, молниеносно вскочила со своей кровати и ринулась собирать вещи!

Камеру я накрыла майкой – сильно сомневаюсь, что, выйдя отсюда, брат решит еще немного понаблюдать за мной. Скорее всего, сейчас тот редкий момент, когда мне может повезти. И я решила воспользоваться этим.

Де Даммартена, обещавшего мне спасение, арестовали и увезли. Селестина в больнице. Что теперь мешает брату сделать что-то со мной? Мне даже кричать бесполезно – никто меня теперь не спасет, не выручит. Не встанет между мной и им.

Скрывшись в гардеробной, я схватила маленький рюкзачок, который предусмотрительно купила днем, и вывалив из коробок украшения, сложила драгоценности внутрь. Я беру с собой телефон – вариантов нет, он мне нужен хотя бы затем, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта, очень надеюсь, что за два часа, оставшихся до рассвета, успею это сделать. В ближайшем городе обменяю одну из драгоценностей на деньги и куплю билет на поезд или ав-

тобус – куда первым придется, даже рассматривать не буду. Сейчас главное бежать и чем хаотичнее я буду это делать, тем больше у меня шансов на успех.

В мягких спортивных кроссовках мне было легко без лишнего шума спуститься вниз. Единственное, за что я боялась больше всего, что двери в замок будут заперты на ключ. Но и здесь мне повезло – по всей видимости все были взбудоражены поисками вора, так что главные двери в замке заперты не были – я без труда выбежала на улицу. Специально выбирала темную одежду, лишь добежав по дорожке, по которой пять дней назад меня привезли в это место, ринулась в сторону конюшен. Бежать не так уж и мало, моя лодыжка еще побаливает, но я планирую с этим справиться. Или сейчас, или уже никогда. Завтра точно будет поздно!

Бежать было несложно – дорожка в темноте видна отлично, а все благодаря выгоревшему на солнце песку, покрывавшему ее от краев до краев. Дорога была укатана машинами, кочек не было, так что я и без фонарика прекрасно могла ориентироваться. Вот уже и те кусты, за которыми мы как-то скрылись с де Даммартенем, и он воспользовался возможностью опустить свою ладонь на мою руку. Ненужные воспоминания попыталась зацепить мое плечо тонкой, высохшей веткой. Я не обратила на них внимание и побежала дальше. Ближе к конюшням уже перешла на шаг – нога нещадно разболелась и мне пришлось хромать, чтобы все-таки закончить свой ночной побег. Я планировала украсть лошадь и, поль-

зуюсь картой на телефоне, добраться до ближайшей цивилизации. О машине помышлять даже не стоит, но конюшни ночью не запираются, как раз лошадь увести у меня должно получиться.

Повернула – здание конюшен увидела сразу. Несколько уличных фонарей освещали вход, но рядом никого не было. Понятия не имею, как обычно здесь все происходит в ночное время, очень надеюсь на повторную удачу. Пусть мне повезет!

Уже волоча больную ногу по земле и оставляя за собой борозды на песке, добралась до внушительных ворот. Удача улыбнулась – и здесь все было незаперто! Шанс, маленький, крохотный шанс на то, что мне удастся сбежать незамеченной, забрезжил перед моим носом.

И тут же потух – не успела еще переступить порог, как в конце длинного помещения раздалось знакомое, оглушительное ржание. Монарх!!! В пору было бы начать молиться – подобным звуком можно разбудить не только конюха, но и весь замок.

В конюшнях горел свет, я сразу направилась к своему коню – не планировала ехать на нем, его нужно было утихомирить. Дико пожалела, что не прихватила с собой какой-нибудь еды, поможет ли просто погладить его по морде? Идти было уже совсем тяжело, но я старалась. Проходила мимо других лошадей, искала глазами ту спокойную кобылу, которую мне подсовывал Жером и никак не могла ее найти.

Ведь именно на ней хотела уехать. С момента падения с Монарха, успела понять, что для езды на этом скакуне необходим опыт. Сейчас же у меня нет возможности ставить эксперименты и гадать, получится или нет – должно получиться, второго такого шанса уже не будет. Как только Валентин обнаружит, что я сбежала, больше мне свободы не видать – это уж точно.

Когда я приблизилась к его стойлу – Монарх уже бил копытом по воротам и возмущенно мотал головой, белоснежная грива взметалась в воздух и притягивала к себе взгляд, отвлекая внимание от главного. А главным было сейчас не любоваться красотой коня, а утихомирить его поскорее, пока сюда не пришел Жером. Я помню, как конюх выручил меня с берушами, но только не поручусь, что он встанет на мою сторону до такой степени, чтобы помочь бежать.

– Тише... Тише... Не шуми, Монарх, – прикоснулась пальцами к теплой морде подаренного мне скакуна. Конь не послушался меня – дернул головой стряхнув с нее мою руку. Такое было ощущение, что он мне не верит, точно знает, что пришла сюда не за ним.

Я упрямо опустила пальцы на его морду во второй раз – и снова он поступил по-своему. Вдобавок толкнул мою руку и шелкнул зубами, как будто угрожая укусить меня за пальцы. Я отдернула руку и подпрыгнула – прямо за спиной прозвучал сильный удар по другим воротам. В опаске оглянулась – со второй стороны, в стойле прямо напротив стоял Ветер.

Конь Эврарда! Он только что повторил выходку Монарха, только завершил ее стойкой на дыбах и мощным ударом по воротам, из-за которого в середине, где была деревянная поверхность, они треснули. Я в ужасе смотрела на Ветра и на дыру, которую он проделал, поэтому и не увидела, что в конюшне уже была не одна.

– Стало скучно и ты решила прокатиться на Монархе? – неприятливая насмешка Валентина прогремела громовым раскатом.

Застывшая между двух коней, была готова лишиться сознания, переведя взгляд к главному входу, где уже стояло несколько человек. Ближе всех ко мне был мой брат, за ним конюх Жером, а еще немного ближе к выходу... Эврард де Даммартен!

– Эврард, мой друг, ты оказался прав. Ты вовремя вернулся, мой дорогой! Если бы не ты, еще бы полчаса, и моей прекрасной Лулу удалось бы сбежать и доставить своему любящему брату массу проблем!

Валентин неспеша направился ко мне – добрая улыбка, обычно игравшая на его лице, испарилась без следа. Его губы были плотно прижаты друг к другу, в лавандовых глазах танцевали огоньки адского пламени. Когда он окончательно приблизился ко мне – я вжала голову в плечи, было полное ощущение того, что он сейчас влепит мне пощечину и она будет гораздо сильнее чем та, которую я получила в награду от де Даммартена. Между тем, ничего подобного не произо-

шло. Когда открыла зажмуренные глаза, увидела перед собой его телефон.

– Посмотри, – подмигнул мне Валентин.

Я выпрямилась и приняла из его рук аппарат. Шла видеосвязь. Я увидела родной дом в Кингисеппе, окна... С другой стороны, откуда шла трансляция, кто-то снимал окна моей квартиры. Вот он приблизился, на что-то встал и в кадре стало видно то, что было за окном. Моя мама Нина смотрела телевизор. Я узнала все – обстановку вокруг нее, ее халат и этот расслабленный взгляд, который присутствовал в ее глазах, когда она вечерами отдыхала после работы.

– Тебе хорошо видно, мое сердце? – спросил брат, внимательно наблюдая за мной.

Я кивнула, переводя взгляд с него и обратно на телефон. И пока не увидела в том же кадре дуло пистолета, не поняла, зачем он это все показывает мне.

– Ты точно увидела все? – повторил Валентин усмехаясь. – Как думаешь, мое сердце, сколько времени мне потребуется для того, чтобы отдать приказ? Лично для меня эта женщина не значит ничего. Она скорее помеха. Значит ли она что-то для тебя, вот в чем вопрос.

– Значит! Значит! – выпалила я, что есть мочи. – Не надо! Я все поняла!

Валентин откровенно улыбнулся:

– Что ж, ты видишь, как работает наша кровь? Мы с тобой понимаем друг друга без слов! Я думаю, тебе стоит це-

нить это. Я... – он протянул ко мне другую руку, – не люблю рыться в женских сумочках. Но в данном случае, сделаю исключение. Мне почему-то кажется, что у тебя есть что-то, что я сегодня потерял. Позволишь? Твою сумку?

Мне пришлось снять рюкзак со спины и передать его ему в руки. Мои собственные руки в это время тряслись так сильно, что я едва его не выронила на пол. Валентин грубо принял его, первым же делом открыл самый большой внешний карман и моментально обнаружил мои документы. Он вынул их, потряс ими в воздухе и вернул мне рюкзак.

– Я не буду тебя запирать. Ты сама вернешься в свою комнату и отправишься спать. Тебе стоит помнить, моя любимая сестричка, что тебе я не причиню вреда. За тебя наказание понесут недостойные – их я за людей не считаю. С тобой же другое дело – они дороги тебе. Итак.

Валентин сделал многозначительную паузу.

– На этот раз тебя я прощаю. Но совсем без наказания оставить не могу. У тебя характер де Мармонтелей, если ничего не сделать, ты не усвоишь урок и продолжишь делать все по-своему. А я этого не хочу, моя прелесть.

Моя рука дернулась в направлении его телефона, но брат уже успел поднести его к своему уху.

– Прострелите ногу мужчине, который сидит рядом с этой женщиной. Пусть будет максимально больно, но не смертельно.

Из моего рта вырвался беззвучный вопль – ему было все

равно. Валентин лишь расхохотался. В трубке прозвучал громкий хлопок. Мои пальцы вцепились в его пиджак, слезы водопадом хлынули из глаз, рот хватал воздух и пытался кричать. В груди все разорвалось в клочья, и я моментально упала перед ним на колени, спрятав лицо в ладонях. Истерика и шок парализовали во мне все.

– Поплачь, – где-то надо мной сказал этот палач. – В замок ты должна вернуться до рассвета. Если этого не случится – следующий выстрел будет в Рыбакову. На первый раз, это даже не обязательно будет сердце или голова. Перед смертью мы можем ее достаточно помучить. Выбирать тебе.

Глава 3

Жером, единственный, кто остался со мной. Пусть хоть и предатель (никаких сомнений в том, что именно он сдал меня брату), но жалостливый. Он уже несколько минут пытается поднять меня с колен и отвести до служебной машины. Валентин с де Даммартенем давно ушли.

– Мадмуазель, я отвезу вас, поднимайтесь. Пойдемте, я отвезу вас в замок.

Я не могу подняться – в ушах гремит тот жуткий звук выстрела, а перед глазами стоит окровавленный дядя Ваня. Мне страшно звонить маме, хоть я и могу это сделать – никто телефон у меня не отбирал. Только документы.

– Мадмуазель Лулу, позвольте, я помогу вам, – конюх подхватил меня подмышку, и как будто нажал курок внутри меня. Я закричала, что есть мочи:

– Оставьте меня! Мерзкий предатель!!! Вы все здесь заодно! Мясники! Палачи!!!

Вместе с моим криком Монарх будто бы взбесился – он поднялся на дыбы и ударил по воротам. В отличие от своего соседа, Монарх не остановился – он в бешенстве раз за разом вставал на дыбы и отчаянно бил по воротам.

– Мадмуазель, мадмуазель, вам лучше уйти отсюда! – выпалил Жером.

В ту же секунду последний удар коня вышиб замок –

ворота открылись. Монарх вырвался на свободу и первое, что сделал конь-альбинос – поднялся на дыбы прямо надо мной – его новый удар пришелся точно в грудную клетку Жерома. Мужчина схватился за грудь, его лицо моментально побелело. А изо рта потекла тоненькая бордовая струйка. Пожилой конюх медленно осел вниз и оказался рядом со мной, как и я, на коленях. В стороне раздалось ржание коня, издав победный крик, он мордой ткнул меня в затылок. Животное не понимало – я не могла двигаться так же, как этого теперь не мог сделать Жером. Мы смотрели друг на друга еще несколько мгновений. Это было как раз перед тем, как я надолго провалилась в темноту...

Темнота была долгой и мучительной, лишь изредка сквозь нее прорывались чьи-то крики, на которые мое сознание категорически отказывалось реагировать. Прорывался мужской голос, а также мою голову продолжало разрывать ржание Монарха. Стук его копыт о деревянный пол конюшни. Еще какие-то звуки, но они уже не отпечатались в моей памяти, превратившись в еле уловимый, непонятный шум. Потом все прекратилось. Я пришла в себя лишь на следующий день к обеду. Мне сообщила об этом мадам Ноелла. Экономка сидела в кресле, в моей комнате и мирно читала книгу. Она была первой, кого я увидела, открыв глаза.

– Вы проснулись, мадмуазель? – поинтересовалась женщина.

Я попыталась ответить – у меня это не получилось. И

язык, и губы отказались подчиняться. Из горла не вырвалось ни единого звука – я лишь с трудом выдохнула.

– Мадмуазель, вам не стоит пытаться говорить – прошлой ночью вы сорвали голос, – женщина отложила книгу в сторону и немного подалась ко мне. – Месье Годар сказал, вы пережили очень сильное потрясение. Вы очень долго кричали и плакали, а потом потеряли сознание. Не пытайтесь говорить, не надо. Голос к вам будет возвращаться постепенно, когда пройдет шоковое состояние. Что? Я не понимаю. Вы хотите пить? Нет? Вы хотите знать, что произошло на конюшне? О, мадмуазель, может быть, не стоит сейчас об этом? О, не мотайте так сильно головой! Мне придется позвать месье Годара.

Я замотала головой еще сильнее и схватила женщину за запястье, с невероятным усилием, как будто пыталась сдвинуть с места скалу, выдавила сиплое:

– Жером...

– О! Мадмуазель. Я поняла, вы хотите знать, что случилось с конюхом? Вам не стоит так сильно беспокоиться – его увезли в больницу, врачи позаботятся о нем. Монарх ударил подлеца в грудь, когда тот пытался напасть на вас. Приезжала полиция, мадмуазель. Господин де Мармонтель позаботился о том, чтобы против Жерома возбудили уголовное дело, ведь он хотел причинить вам вред! Мадмуазель, мадмуазель, куда вы?!

Пусть я не могла говорить, но руки и ноги у меня все

еще были – они плохо слушались, ушибленная нога распухла окончательно, но это не помешало мне выскочить из комнаты, и хромая рвануть в сторону лестницы. Я не добежала до нее. Уже на краю лестницы голова закружилась, перед глазами все поплыло и мое тело обмякло – не имея возможности за что-нибудь зацепиться, я отправилась в свободный полет вниз. Имела все шансы приземлиться уже на том свете, если бы не чьи-то сильные объятия, в которые мне посчастливилось угодить.

– Месье де Даммартен! – сзади кричала Ноелла. – Я не успела ее удержать! Мадмуазель еще очень слаба, она узнала о конюхе и немедленно выскочила из своей спальни. Я не успела, месье! Не успела!

Отключаясь, оказавшись у него на руках, услышала кое-что слишком мерзкое и отвратительное, что никак не улеглось в моей больной голове. Эврард де Даммартен приказала Ноелле:

– Сообщите месье де Мармонтелю об этом. Я отнесу ее обратно, пусть придет прямо в комнату. Необходимо выставить охрану, я не собираюсь ее караулить весь день.

Глава 4

– Лулу, я не знаю, кто это был. Кто-то выстрелил в дядю Ваню прямо через наше окно! Я все допытываюсь у него, может быть он с кем-то повздорил. Ты же знаешь, он может вспылить в момент, когда... выпьет чуть больше.

Я лежала на кровати, на спине и смотрела в потолок сквозь слезы, накрывшие мои глаза. Эврард принес меня сюда и сразу же оставил. Сразу после того, как я сказала, что желаю, чтобы он и мой брат скорее умерли. Найдя в себе силы, позвонила маме. Мне даже не потребовалось спрашивать, случилось ли то, что приказал выполнить неизвестного убийцу Валентин. Она начала с того, что находится в больнице. Какие-то хулиганы прямо через стекло выстрелили в моего добрейшего на свете отчима. Попали в ногу. Боль сильная, но рана несмертельная. Врачи сказали, будет жить.

Меня до смерти напугал не только поступок Валентина, но и та точность, с которой был выполнен его приказ. А также молниеносность.

– Я думаю, это могли быть какие-то приезжие. Молодежь мы здесь всю знаем, ну не могли они. Тем более, оружия такого ни у кого нет... Если бы напали, то просто с дубинкой или первым, что под руку попадет. Ой, беда... Непокойно мне, Лулу. Как ты там, моя маленькая?

Что я могла сказать? Мама, это из-за меня дяде Ване про-

стелили ногу? А еще из-за меня мой же конь чуть было не убил еще одного человека. А еще из-за меня тот, кто стрелял в моего отчима, ходит по пятам за тобой? Чтобы выстрелить уже в тебя, а не в близкого тебе человека?

Мама, это я пыталась спасти себя, поэтому пожертвовала тобой?

Я лежала в полной темноте. Темнота не только окружала меня. Она поглотила меня и приковала к этой постели, к этому жуткому замку. Романтика первых дней окончательно испарилась – теперь я точно знаю, зачем я здесь. Здесь друзей нет. Валентин был прав насчет де Даммартена. А Эврард был прав насчет Валентина. Они стоят друг друга. Единственное различие... Да нет никакого различия. Валентин тоже поначалу показывал себя добрейшим человеком на свете. Де Даммартен пообещал Селестине и не сдержал это обещание. Зачем он сдал меня брату? Почему не дал бежать? Наоборот, приволок обратно и велел Ноелле сообщить об этом, охрану выставить. Зачем охрана? Эти оковы, в которые меня теперь заковали, действительно самые прочные из любых возможных. Принес меня сюда, опустил на кровать, еще и стоял, ждал чего-то. Наверняка наслаждался своим триумфом.

Что я могу сделать для мамы? Могу ли позвонить в полицию? Или предупредить ее? Попросить бежать? А сможет ли она и станет ли? Не станет, скорее всего. Наоборот, решит прикрыть меня. Тогда... у меня не остается выбора.

В комнату без стука вошла мадам Ноелла. Она бесцере-

монно включила верхний свет.

– Мадмуазель, месье де Мармонтель желает вас видеть за обедом. Мадам Селестину как раз привезут из больницы, и она сможет к вам присоединиться.

– Передайте ему, что я не спущусь.

– Мадмуазель уверена в своем решении? – экономка даже не подумала отступить. – Ваш брат может расстроиться.

– А мне все равно, что сделает мой брат!

– Вы настаиваете на своем решении?

Я не ответила ей, отвернулась спиной к двери и накрылась одеялом. Я никуда не убегу, но выходить из этой комнаты тоже не стану. К черту их всех. Глупый поступок, который ни к чему не приведет, конечно. Захочет, выщарапает меня отсюда. Теми же угрозами.

Почти так и случилось. Минут через двадцать Ноелла вернулась вместе с Валентином.

– Моя любимая сестричка решила покапризничать? Мадам Ноелла, помогите ей одеться и принять душ.

– Хорошо месье. Вы оставите нас?

– Аха-ха-ха! С чего вы взяли? Я останусь здесь до тех пор, пока прекрасная Лулу не будет готова спуститься к обеду. Делайте свое дело, сказано вам!

Дальше меня подняли за руку. Грубо так. Мадам Ноелла прямо при брате стянула с меня всю одежду – я не сопротивлялась. Захочет, он еще и не такое сможет получить. Да и какой смысл прятаться?

– Мадмуазель, пройдите в душ, пожалуйста, – велела экономка, подталкивая голую подопечную в сторону ванной.

Где-то в стороне Валентин, сложив руки на груди, с наглой ухмылкой наблюдал за всем этим. Он зашел даже в просторную ванную, потом ждал, пока Ноелла сушила мои волосы. Дальше сам выбрал для меня платье и туфли. Платье было длинным, но почти полностью прозрачным – белья он велел под наряд не надевать. Туфли были на огромном, тонком каблуке – я вышла из спальни только благодаря тому, что брат заставил взять его под руку.

– Тебе стоит улыбаться, моя дорогая. Твоя настоящая мать вернулась домой, ее часы сочтены. Мне, конечно, все равно, но зная твою натуру, испорченную сентиментальными русскими, позже ты будешь себя корить за этот эгоизм. Могу предположить, что за мою настойчивость даже поблагодаришь любящего тебя без памяти брата.

Валентин похлопал ладонью по моим пальцам, повисшим на его согнутой руке.

Глава 5

В главной зале, как и день моего приезда, играла живая музыка. Небольшой оркестр и красивая оперная певица в вечернем платье. Миллион свечей в канделябрах на длинном столе, накрытом скатертью, золотая посуда и приборы, изысканные украшения. Во главе стола сегодня женщина, которую можно считать моей биологической матерью. По правую руку от нее я, по левую ее сын Валентин. Пиршество рассчитано на маленькую группу людей, только трое де Мармонтей, один де Даммартен и двое врачей.

– Селестина! Этот праздник в твою честь! Лучшее шампанское и вино для тебя! Я велел принести несколько бутылок, закупоренных в год твоего рождения. Подумал, когда, если не сейчас?

Селестина де Мармонтель сегодня была совсем бледной – под глазами образовались иссиня-черные круги, глаза и щеки ввалились, волосы посерели и потеряли свой блеск. Но при этом при всем, рука ее, державшая бокал за ножку, пока он стоял на столе, а мой брат щедро наливал в него красное вино из бутылки, не дрогнула. Вино перелилось через края, на это брат зловеще рассмеялся.

– Пей! Пей же, Селестина! Ты прожила прекрасную жизнь на этой земле!

Валентин вскочил со своего места, шумно отодвинув стул.

Буквально вскинул вверх свой бокал с шампанским:

– Я хочу выпить за это! Ты подарила мне и моим сестрам жизнь. В целом, ты была достойной женщиной семьи де Мармонтель. Ты предсказуемо влюбилась в ушлого де Даммартена, но все же осталась верна нам и выполнила свою миссию от и до.

Валентин манерно поклонился, одновременно прижав ладонь к своей груди:

– Желаю тебе за это легкой и быстрой смерти, дорогая мама!

Селестина отреагировала на его слова безмолвно поднеся свой наполненный до самых краев бокал с красным вином и выпив его залпом, без единой остановки. Валентин, сверкая задором в лавандовых глазах, тоже осушил свой бокал и опустил обратно на стул. Вернув золотую салфетку на колени. Озвучил пожелание:

– Приятного аппетита всем! Для нас сегодня готовит повар, удостоившийся высочайших мировых наград. Егостряпню Селестина очень любила. Уважаемый Гастон Лурье сегодня в замке де Мармонтель. Приятного аппетита, приятного!

Ему в ответ отозвались только врачи. И те довольно негромко пожелали в ответ приятного аппетита. Я могла добавить только, чтобы он подавился едой от этого знаменитого повара.

Я тоже осушила свой бокал. Приподнялась, взяла бутылку

того самого вина и налила себе еще. Валентин на это лишь ухмыльнулся. Пусть смеется и наслаждается. Он и Эвхард, который сейчас сидит с ним плечо к плечу. Два друга. Я не ела – выпила второй бокал до дна и сразу за ним снова наполнила его до краев. Валентин уже улыбался. Он даже заговорил со своей матерью, которая уже несколько минут сидела неподвижно, она так и не притронулась к еде от крутого повара.

– Селестина, хотел тебе сказать, что к церемонии все подготовлено. Мы выполним кремацию согласно всем традициям, а твой прах будет храниться в семейном склепе, рядом с остальными родственниками. Ты займешь почетное место среди них. Я уже заказал сообщение в местную газету и роскошные цветы из Прованса. Ты останешься довольна. Как видишь, я вырос заботливым сыном, не так ли, Селестина?

– Валентин, – вдруг голос подал доктор Годар. Толстяк вытер пухлые губы салфеткой, дожевал еду и открыл рот. – Валентин, я только приветствую людей, которые заранее подготавливаются к важным событиям. Но в этом случае, тебе не кажется, что ты немножко спешишь?

– Я? Спешу? Мне обещали, что Селестина не доживет до завтрашнего утра! На этот раз точно. Так что, я не спешу, мой дорогой Жерар. Я делаю все очень вовремя.

– Мы, медики, – возразил толстяк с другого конца стола, – тоже иногда можем ошибаться. Я смотрю на мадам – она неплохо выглядит для человека, которому на завтра по-

обещали отход в мир иной.

– То, как лично вы, Годар, можете ошибаться, мне хорошо известно. Что нельзя сказать о профессионалах.

– Ошибаться могу не только я, месье де Мармонтель. Эта черта свойственна всем людям на земле. Без исключения, смею заметить.

– Согласен! Тут не поспоришь, эта черта может проявиться у любого, даже мы, де Мармонтели можем иногда допустить маленькие промахи. Например, можем ошибиться в тех людях, кого нанимаем. Речь не идет о доверии – мы не доверяем никому. Но, бывает, впустую тратим свои деньги...

Их перепалка продолжалась еще несколько минут. И она приковала к себе внимание присутствующих. Я была уверена в этом. Иначе...

Иначе они бы заметили, что желание моего брата уже получило свое удовлетворение. Вот уже с полминуты, как лавандовые, почти полностью ослепшие глаза Селестины де Мармонтель застыли, глядя перед собой. Ее рука замерла, сжимая мое колено под столом. А в этой руке уже не было пульса. Как и в ее теле. Она не дышала.

Перепалка продолжилась, поэтому ни гости, ни мой брат не заметили еще кое-чего. Они не заметили, как я вынула из сумки для лекарств, прикрепленной сбоку инвалидной коляски Селестины, пузырек. Как высыпала его содержимое себе на ладонь и как... улучив момент не опрокинула всю горсть пилюль в свой рот и щедро не запила их вином. Это

был уже четвертый бокал вина – я сама не видела, что происходит вокруг. В ставшем одним сплошным пятном мире, увидела тень того, кто сидел рядом с моим братом. Это была большая тень – она внезапно вскочила со своего места и уже через мгновение мне в ноздри ударил знакомый мужской запах.

– Эврард, мой друг, что ты делаешь? – шутливо возмутился Валентин где-то вдалеке.

Он произнес это, когда я уже полностью упала на бок, когда де Даммартен резким движением снял с моего колена омертвевшую руку матери и подхватил на руки. Это уже становится его привычкой. Где-то рядом что-то упало. Краем сознания я поняла, что упала Селестина – лицом на стол, теперь, выпустив меня, она позволила себе окончательно расслабиться. Через несколько минут после смерти.

Еще немного... и я ее догоню.

Глава 6

Шесть дней. Шесть дней прошли где-то между небом и землей. Я просыпалась и засыпала. Были врачи в белых халатах, были какие-то трубки, уколы, уколы, уколы... И все это время рядом не было ни Валентина, ни его друга. Таблетки не подарили мне смерть, но на какое-то время избавили от этих двоих. Меня поставили на ноги к двадцать шестому декабря, ровно ко дню похорон Селестины. На которые повезли меня в траурном платье в ее инвалидной коляске. Я отказывалась вставать на ноги. Как и обещал мой брат, ее прах доставили в семейный склеп, который располагался на территории, прилегавшей к замку де Мармонтелей. Церемония прошла ранним утром, еще до завтрака, принятого в замке обязательным ежедневным ритуалом. На улице светило жаркое, совсем не зимнее солнце. Вокруг стояла тишина, ветер умолк. Французы празднуют рождество и даже работников, обычно трудящихся вокруг замка, не видно. На церемонии присутствует несколько незнакомых мне людей. Их совсем немного, по всей видимости, друзей у Селестины не было.

Валентин стоит рядом со мной и теперь его рука сжимает мое плечо. Брат серьезен, сегодня не улыбается и не смеется. Утром, в зале, через которую меня провозили в коляске, я увидела манекен, на котором было надето белое свадебное платье. Юбка у него настолько длинная, что в обычной

комнате, даже по параметрам этого замка, его было бы трудно разместить. Валентин при встрече ничего мне не сказал, лишь вежливо поцеловал в щеку и позволил какому-то мужчине продолжить катить меня к склепу. Похороны не выглядели похоронами на фоне весеннего, голубого неба, буйства розовых цветов, растущих в парке, где был установлен фамильный склеп. Ничего похожего на похороны у меня на родине. В Кингисеппе мне случалось дважды оказываться на похоронах, несколько раз мы с ребятами лет в десять бегали на кладбище подглядывать за ритуалом. Мальчишки нас пугали, что в момент погребения непременно мертвец начнет биться о крышку гроба. Это может щекотать нервы, быть интересным и увлекательным, пока не коснется тебя самого.

Я не знала Селестину. Полмесяца назад даже не представляла о ее существовании. И если подумать, была бы рада, если бы осталась жить в Кингисеппе. А не оказалась бы во Франции, в богатом замке, где стены и полы с потолками пропитаны кровью и человеческими страданиями. Во время церемонии я увидела де Даммартена. Этот человек, который обещал жениться на мне и увезти в свой замок, не сдержал своего обещания. И ладно бы, он обещал это мне, он обещал это той женщине, которую любил его отец. Той, кого мы сегодня хороним.

– Ну, все, довольно, – Валентин, который стоял рядом, провел своей рукой по моим волосам и приказал человеку, что должен был заботиться о моей коляске, – везите ее об-

ратно в замок. Подождите.

Брат присел на корточки рядом со мной и заглянул мне в глаза:

– Мое сокровище. Я дал тебе поблажку только ради нашей матери. Советую тебе по прибытию в замок привести себя в порядок. Уже сегодня все начнет меняться, и я не намерен терпеть такие твои капризы. Проси подарков, даже требуй. Развлечений! Любви! Но даже не помышляй прятать от меня свое прекрасное, нежное тело. Я видел его и планирую в скором времени вдоволь его изучить. Поняла меня, моя красавица?

Скрепил свою угрозу он, резко поцеловав меня в губы, при этом довольно грубо схватив за подбородок. Не постеснялся ни гостей, ни похорон. Затем отпрянул, бросив мне в глаза ухмылку и теперь уже окончательно велел моему сопровождающему:

– Везите!

Когда он разворачивал коляску, зацепилась взглядом за Эврарда – друг брата молча смотрел в мою сторону. Но никаких эмоций не проявлял. Я только одного не понимаю, что он здесь делает? Безмолвное бездействие? Все больше и больше начинаю понимать Селестину и всех женщин семьи де Мармонтель. Какой смысл куда-то бежать? Валентин уже в первый день все сказал, а дальше я лишь начала биться о стены клетки и разбиваться в кровь. Бессмыслица. Меня создали для того, чтобы продолжила род. Де Мармонтели ве-

ками этим занимались. Выводили собственную породу. Это не игрушки и не любовь парня из соседнего двора. Здесь все зло по-настоящему.

Попав в замок, до самого вечера я тщетно пыталась дозвониться до своей настоящей мамы. Выяснить, как у них дела. У меня ничего не вышло – никто не взял трубку. И тогда я решила набрать номер, по которому не звонила с самого своего отъезда. Если и там я ничего не узнаю...

– Алле! Это кто? Лулька, ты что ли? – голос моей подруги Кати захватил динамик золотого телефона, который я держала в руке.

– Я, привет. Прости, что не звонила.

– Ну, ты... Я бы тебе сказала, все, что думаю по этому поводу! Честно. Если бы не моя миссия, то я бы тебе задала! Это же надо было! Уехала и молчит! Набрать, позвонить так трудно?! Хоть одну фотку прислать?!!

– Прости меня. Прости, что не звонила.

– Знаешь, что... Лулу, если бы не тетя Нина, я бы на тебя... я бы, знаешь... Я бы обиделась! Серьезно говорю!

Надо было бы объяснить хоть что-то. Я невольно вспомнила первый день, когда приехала в замок де Мармонтелей. Как меня сюда силком вез Эврард, как брат сообщил о моем происхождении... Мне тогда показалось, что такому отродью не место на этой земле. Поэтому и не звонила. И сейчас звоню совсем не для того, чтобы дружить. Но как же... Как же Кате объяснить это? Ведь если спрошу про маму, она

в первую очередь поинтересуется, почему я сама ей не позвоню.

– Что молчишь? Надеюсь, тебе стало стыдно. Приедешь, я все-таки тебе все выскажу. Тебе очень повезло, что тетя Нина возложила на меня эту миссию, если бы не она, я бы с тобой даже разговаривать не стала. Але! Ты слушаешь меня, Лулу?!

– Какую миссию? – до моей головы не сразу дошло, о чем она упоминает уже во второй раз.

– Какую, какую... Ты там одна, точно говорить можешь?

Я оглянулась. Я одна, но в комнате по-прежнему камера и она вполне может писать звук. На всякий случай, я встала с кровати, на которой только что сидела и скрылась в ванной, включив там воду и заперев за собой дверь на замок.

– Могу, говори! – опустившись на край белоснежной ванны, в нетерпении сообщила подруге.

– Должна мне будешь, – хмыкнула Катька, и у меня мелькнуло ощущение, что мы виделись с ней только вчера.

– Катя, пожалуйста, говори, что должна сказать, – взмолилась я.

– Не должна. Я просто обещала и не тебе, а тете Нине. Короче, Лулу. Уж не знаю, что там у вас происходит, ты мне потом все расскажешь и даже не надейся отвертеться. Короче. Тетя Нина собрала свои вещи и уехала. Это было два дня назад. А сразу после их с дядей Ваней отъезда, в вашей квартире нашли мертвого мужчину с пистолетом. Наш город

только и говорит об этом.

– Куда? Куда она уехала?!

– Не кричи, Лулу. Откуда я знаю? Она прибежала ко мне в тот день, как потом выяснилось, уже после смерти того мужика. Я так думаю, это его дядя Ваня так. Он только из больницы выписался. Короче, она прибежала, вся запыхавшаяся, прямо ко мне домой. А у нас тут снег выпал по колено... Так она в этом снегу, прямо по моему ковру, мама потом ругалась, пятна мокрые остались.

– Катя...

– Она в снегу! – подруга повысила на меня голос. – В дверь звонила, стучала. А когда я ей открыла, чуть с ног меня не сшибла. Заговорила так быстро. Сказала, если ты позвонишь, передать тебе, что они с дядей Ваней в надежном месте и что ты теперь можешь бежать. Это все. Лулу, откуда бежать? Ты же к родственникам поехала? Зачем тебе бежать? Тебя там бьют что ли?

Я перебила ее:

– Больше ничего не сказала?

– Елки! А ты мне ничего не хочешь рассказать? Ничего не сказала, только это и что ты скоро узнаешь, кто им помог. Этот же человек поможет и тебе. Лулу? Лулу! Не вздумай бросать трубку!

– Я не бросаю. Я здесь. Ты... Спасибо тебе, за это. Я... Я не вернусь больше. Прости меня. Прости.

Глава 7

Ближе к вечеру состоялся обед. Что-то подобное нашим поминкам, только в стиле де Мармонтелей. Со свойственной им роскошью и обязательными литературными чтениями после ужина. Валентин пригласил все тех же и по традиции усадил меня рядом с собой. Он ничего не сказал по поводу моей мамы Нины. Неужели, не знает еще? Или надеется, что я не узнаю? Я поостереглась задавать вопрос в лоб, когда за мной явилась мадам Ноелла и передала приказ брата спуститься к ужину. Я не послушалась, сделала так, как было велено. Пока не знаю, верить ли Катиным словам. Со своего телефона я удалила последний звонок, стерла все, что нашла. Очень надеюсь, что мой братик не доберется до моей подруги.

И все равно не могу поверить, что он не в курсе, куда пропал его человек. Ведь если его нашли мертвым в нашей квартире... Валентин не мог не узнать об этом. До этого момента мне было безразлично, что будет потом. Но теперь у меня появился шанс и от осознания этого пальцы у меня дрожат уже несколько часов. За ужином и теперь, сидя рядом с братом, бок о бок, мне с трудом удастся сдерживать себя в руках.

Тем временем, в малой зале по традиции погасили верхний свет, зажгли свечи в канделябрах и мадам Ноелла подала брату старую тетрадь. Да. Это не был сверток с дневником

и записями нашего предка. Это было что-то новое, данной тетради я до сих пор не видела.

– О, ты удивлена, моя дорогая? – усмехнулся брат, посмотрев на меня.

Он опять был в белых перчатках. Приняв тетрадь в свои руки, де Мармонтель любя погладил обложку.

– Сегодня особенный вечер. Я знаю, ты злишься на меня. Очень зря, стоит заметить. Ведь никто в целом свете, никогда не будет любить тебя так сильно, как я. И никогда не будет заботиться о тебе. Поверь, все, что я делаю – все тебе во благо. Ты пока очень молода и импульсивна, многого не понимаешь. И не все знаешь о своей крови. После смерти нашей матери, ты расстроилась еще больше. Я заметил это. Твоя выходка с ее лекарствами. Глупость, моя дорогая, не так ли?

Мой взгляд блуждал по моим голым коленям – Валентин велел не надевать траурное платье. Ноелла заставила облачиться в ярко-красное одеяние настолько короткое, что оно едва прикрывало мои ягодицы. Это было словно вызов со стороны де Мармонтеля. Как издевка, брошенная в сторону моей биологической матери.

Брат еще раз провел по старой обложке тетради.

– Сейчас я кое с кем тебя познакомлю. На этот раз, это женщина. Прабабушка Селестины. Ты уверена в словах своей матери о том, что женщин клана де Мармонтель нещадно мучали, что они были ангелами. В этом же убеждала те-

бя Селестина. В твою же ясную головку, там, на чужбине, необразованная русская проститутка вложила столько сентиментальной дряни... Мне потребуется не мало сил, чтобы перевоспитать тебя. А все ради чего, моя дорогая? Все ради твоей безопасности, ведь ты могла расти здесь. В этом прекрасном замке, в роскоши, достойной настоящей королевы. Что ж... Что пройдено, то пройдено? Мой ангел, не так ли? Давай я все же познакомлю тебя с нашими предками. После этого тебе будет, над чем подумать.

Валентин погладил меня по колену, обвел взглядом присутствующих, которые сидели напротив и внимательно смотрели, и слушали нас. Брат немного задержался взглядом на де Даммартене. Но тут же вернулся к главному – раскрыл тетрадь на первой странице и начал читать.

– Ее звали Луиза Орабель де Мармонтель. Когда она начала писать свой дневник, ей было всего лишь двадцать лет.

Брат провел пальцами по линиям, созданным каллиграфическим почерком, нанесенным на пожелтевшие страницы в тетради.

– К тому времени она уже успела родить двоих детей. Девочку она родила от своего брата... А мальчика, годом позже, Луиза родила от своего родного отца. Луиза была красавицей, впрочем, как и все женщины нашего рода. Тот же рост, что и у тебя, то же телосложение, те же глаза, такой же остренький носик. Милый подбородок, лавандовые глаза и сладкие маленькие губки. Посмотри.

Валентин вынул из тетради вложенный между страницами обрывок бумаги. На нем карандашом или скорее углем был изображен женский портрет. Мне стало нехорошо. Действительно. Брат, как всегда, говорит правду. На этом рисунке, датированным концом восемнадцатого века... была изображена я.

– Как две капли воды, моя милая? Теперь ты понимаешь, почему я постоянно тебе говорю о крови? То, что заложено чужими людьми в твою головку – чушь. Мы избавимся от этого. Сегодня я не буду мучать тебя долгими чтениями, день был трудным, я всего лишь зачту тебе распорядок ее дня.

Итак...

Десять часов – одевание.

Луиза любила поспать и никогда не спускалась к завтраку. Она разумно пропускала его, переходя сразу...

Десять тридцать – секс с супругом.

Ее супругом в те годы стал ее младший брат, Джасмин де Мармонтель, ему тогда было всего лишь шестнадцать.

Двенадцать дня – прием красных ванн.

Знаешь ли ты, моя дорогая, что такое «красные ванны»? Луиза любила любоваться своей красотой, часами могла не отходить от зеркал, а их в замке, как ты уже успела заметить, предостаточно. Понятие «красных ванн» ввела именно Луиза. Ее дочь и их сестры после тоже нередко пользовались этим специальным удовольствием. Луиза почему-то считала,

может быть и не зря, что ванна из крови девственниц омолаживает кожу. Она очень боялась потерять свою красоту. Кстати, зря боялась, Луиза прожила долгую жизнь и до самой старости не имела на своем лице ни одной морщины. Она наслаждалась всеми мужчинами де Мармонтель! От самых молодых, до самых старых. В ее графике место находилось для каждого. О, это были сладкие времена, мой цветок.

С двух до пяти – дневной сон.

В пять секс с отцом или с любимым из де Мармонтелей.

Семь часов вечера – массаж белым маслом.

Я думаю, тебе стоит пояснить, моя дорогая Лулу, что такое «белое масло»? Помимо крови девственниц, служивших в замке, Луиза держала с десятков дородных мужчин, которых специально доили для нее. Добытое от них «белое масло» уходило на то, чтобы увлажнить и пропитать ее нежную кожу.

В восемь был ее единственный прием пищи. Обед. Он продолжался весьма долго, изголодавшаяся за день, потерявшая в забавах и утехах много сил, Луиза насыщалась вдоволь. Столы ломились от ее любимых лакомств. В отсутствие гостей, Луиза де Мармонтель спускалась к обеду без одежды. Она любила наблюдать за тем, как округлялся ее плоский живот во время приема пищи. Единственной ее одеждой были золотые украшения, которыми она никогда не была оделена. Мужчины нашего рода ежедневно задаривали ее изделиями от лучших ювелиров. К слову, ты еще не была кое-

где. В одном из парижских банков у нас арендована комната, в ней хранятся украшения Луизы де Мармонтель. Их тысячи! И все они теперь твои. Ты можешь пользоваться ими в любой момент. Я не буду возражать, если и ты переймешь некоторые привычки своей прапрабабки. Эту тетрадь я даю тебе. Ты можешь изучить ее и, если тебе что-то понадобится – все это будет доставлено в замок незамедлительно.

Валентин закрыл тетрадь, и я впервые увидела, как он зевает. Второй зевок, последовавший сразу за первым, брат еле удержал.

– Пожалуй, тебе стоит отправиться наверх. На сегодня закончим на этом. Утром за завтраком я хочу услышать твои комментарии. Мадам Ноелла! Проводите мадмуазель в ее спальню! И вам, господа и дамы, я желаю покойной ночи. Давайте! Давайте! Спокойной ночи всем!

Валентин бесцеремонно выставил гостей из малой залы. Он остался сидеть на диванчике в то время, как экономка буквально за руку потащила меня наверх. Впрочем, она могла этого и не делать, я и сама была рада поскорее убраться оттуда.

Мы поднялись на третий этаж, где-то сзади неспешно поднимались и гости с де Даммартенем, он тоже, по всей видимости, планировал остаться в замке на ночь. Мы сильно их опережали, потому что экономка продолжала меня тащить с такой силой, что я снова потеряла туфлю по дороге. Она дергала меня и постоянно оглядывалась по сторонам. Нако-

нец, когда мы достигли двери в мою спальню, экономка затолкала меня туда, закрыла дверь и, прижав меня к стене, быстро зашептала:

– Не вздумайте кричать, мадмуазель. Я хочу вам помочь. Мадам Селестины больше нет с нами, вы теперь в большой опасности. Я обещала покойной мадам, что помогу вам бежать отсюда до свадьбы, и я это сделаю.

– В-вы?! – я вытаращила глаза на нее, но женщина не обратила на это внимания, она продолжила быстро шептать.

– Я, мадмуазель. Вы бежите этой же ночью. Я случайно узнала, что камеры в замке сегодня не работают, какая-то профилактическая проверка. К трем часам месье уснет и у нас будет несколько часов, чтобы безопасно вывести вас из замка. Вас отвезут в Париж. Одна семья готова вас приютить, не забудьте захватить с собой побольше денег, мадмуазель. Я договорилась с этой семьей, вы будете жить у них, но они бедны. Вам придется долгое время не выходить из дома, если вы сделаете это раньше времени, мадмуазель, месье Валентин вас моментально найдет, не забывайте никогда, у него связи по всей Франции! С собой кроме денег берите самое необходимое.

– Но... почему я должна вам верить?

– Мадмуазель... – экономка остановилась. Она нащупала в почти невидимом кармашке своего рабочего платья небольшой клочок бумаги и передала его мне. – Прочтите это. Я понимаю, вы привыкли к телефонам, однако у мадам

Селестины не было иного способа незаметно передать вам записку. К тому же... мадмуазель, как бы ни было, поверьте, даже если бы я захотела вас похитить, это было бы благословением и спасением по сравнению с тем, что вы уже пережили и с тем, что приготовил для вас ваш брат.

Мадам Ноелла оглянулась – в коридоре слышались шаги. Она зашептала еще быстрее:

– Мадмуазель, если верите мне, к трем утра будьте готовы. Помните – деньги и минимум одежды, вы бежите налегке.

– Но как же мои документы?

– Вам не нужны документы, мадмуазель. В Париже есть десятки обществ, готовых помогать женщинам, бежавшим от домашней тирании и насилия. Чтобы туда обратиться, вам не нужны документы. Вы их восстановите в посольстве России. Для этого сперва вам нужно бежать и на какое-то время схорониться. Мадмуазель, в три.

Экономка резко отошла от меня и чуть оправив рабочую одежду, мгновенно стала прежней. Сделав большой вдох и выдох, она чинно покинула мою спальню. Я ошеломленно проводила ее взглядом. Это Ноелла? Та, кто должен мне помочь? Это ее знакомые... убили того, кто стрелял в моего отчима?

Когда в мою дверь постучали, я все еще стояла у стены, сжимая в кулаке предсмертную записку от Селестины и тетрадь с мемуарами какой-то там своей прапрабабки.

Глава 8

Сюрприз за сюрпризом. В мою спальню явился Эврард де Даммартен! С той же надменностью на лице, с которой просидел весь вечер напротив меня. За столом, а потом и в малой зале. В этом пижонском костюме, почти в таком же, в каком явился за мной в Кингисепп. Интересно, его прислал брат? Я уставилась на него точно так же, как и он на меня. Не буду начинать говорить первой – это ему что-то от меня нужно. Хотя... камеры отключены, почему бы не высказать ему все, что я думаю?!

Пока я размышляла и купалась в ненависти к этому человеку, он начал первым:

– Прими мои соболезнования, – чинно произнес французский аристократ.

– Вы последний человек на планете, от которого мне хотелось бы их слышать! Не стоит, заберите их обратно и не тратьте на меня свое время. Его у вас его и так мало.

Де Даммартен вдруг начал делать что-то странное – он стал расстегивать свой пиджак.

– С чего ты решила, что у меня мало времени?

Я почувствовала, как затряслись мои губы. А все из-за того, что его движение с ослаблением галстука на шее, напомнило мне наше соглашение и тот самый день со всеми вытекающими в городской гостинице. В комнате пахло удуш-

ливой жарой, которая подожгла мои щеки и ладони.

– У вас нет времени выполнять свои обещания! С чего еще?

– Ты так думаешь? – его пиджак прилетел на мою кровать. За ним последовал галстук. Де Даммартен бесцеремонно приступил к освобождению своего тела от рубашки.

– Это зачем?

– Это?

– Это, – я показала на его одежду, оказавшуюся на моей постели. Де Даммартен нисколько не стесняясь, сбросил с себя рубашку и, оставшись по пояс обнаженным, направился в мою сторону.

– Здесь камера, вы забыли?

– Не забыл, – отрезал Эврард.

Это было мгновенно. То, как быстро он подхватил меня на руки и опустил на мою же постель, а следом опустился сверху!

– Камеры не работают, – его хрип прошелся наждачкой по моему уху.

– Валентин...

– Твой брат крепко спит. После лошадиной дозы снотворного. Сегодня я увезу тебя отсюда, но сперва намереваюсь немного успокоить, чтобы ты не дергалась по дороге.

– Мои документы...

– Теперь уже плевать на твои документы. Я медлил не из-за них.

Кошмар не заканчивался. Сперва Ноелла со своим обещанием увезти меня отсюда. Выключенные камеры... Теперь де Даммартен... Они все что, решили пошутить надо мной? Мысли в голове не могли соединиться одна с другой. Кто из них лжет, а кто нет? Они все заодно или это дикое совпадение, что сразу двое решили устроить мой побег и оба в одно и то же время? Спросить? Сказать? Что делать?

Голова окончательно отключилась, как только мои пальцы коснулись его волос, его же губы в это мгновение напали на мою шею. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как его арестовали. Как произошел мой первый побег, как то случилось на конюшне... Как только Эвхард коснулся меня, он будто бы включил во мне давно потухшую жизнь. Вернул забытую энергию и яркость красок. Валентин был прав, все же что-то есть в этом зове крови. Вместо того, чтобы возмущаться, вырваться, ругаться, как изначально мне этого хотелось, я вцепилась в его волосы и заставила подняться выше, чтобы дотянуться до его губ своими губами. Это было похоже на безумие. С его приходом в эту комнату – отключилась и внешняя опасность, и моя собственная злоба. Жажда касаться его волос, его губ и его тела перекрыла все остальное.

Словно почувствовав мое состояние, Эвхард оторвался от моего рта и приподнялся на руках, велел мне:

– Расстегни.

Он был по пояс обнажен, но брюки оставались на месте.

От меня требовалось их расстегнуть.

– Расстегни их, – приказ был повторен.

Где-то мне было страшно. Хотелось это сделать, и все же было страшно, продолжать так же смело дотрагиваться до него, позволять себе все, что хотелось. Валентин сам не знал, что пробудил во мне всеми своими чтениями. Каждый вечер, как он читал про извращения наших с ним предков, волей или неволей я думала только об одном человеке. Постоянно представляла себя с ним и другими людьми. И, самое страшное, что мне это нравилось. Настолько нравилось, что несмотря на все невзгоды и потрясения, я волей или неволей думала только об этом.

Кровь. Это моя кровь. От которой не убежать. У де Мармонтелей извращения в крови. И я принадлежу к ним. Иначе не могу объяснить то, почему сейчас делаю все это. Сразу после похорон моей биологической матери вместо того, чтобы горевать, что-то делать в связи с тем, что вытворил мой брат с моей мамой Ниной, я подобно голодному теленку, с дикой жадью наслаждаюсь своей кормежкой.

Я расстегнула ремень на его брюках, а за ним молнию. По пути задела тыльной стороной ладони его нижнее белье, под которым красноречиво набухло его мужское возбуждение. Оно было горячим и манило прикоснуться к нему еще раз. В этом я себе не отказала, немедленно с нежностью провела по нему пальцами. И поняла, что со мной происходит.

Теперь я четко осознаю, что убегу с Ноеллой, а не с ним, и

поэтому позволяю себе все, чего так давно желала. Я не доверюсь ему еще раз – это пустое. Нет никаких гарантий, что все опять не пойдет так, как он себе запланировал. А это... это месть моему брату за все его слова и дела. Прямо в его замке, прямо у него под носом. С его другом. И я надеюсь... Я надеюсь, он еще не спит и скоро ворвется сюда.

Глава 9

В этот раз все было иначе. Эврард вел себя по-другому. Его объятия не терзали, они согревали меня, будто промокшего под сильным дождем котенка. Они отогревали меня. Мы оба остались без одежды, лежали на той кровати, которая считается моей и никуда не спешили. Все уже завершилось несколько мгновений назад, но Эврард не изменил позу – его крепкий торс находился между моих ног, сам же он упирался локтями в подушки и продолжал медленно осыпать поцелуями мою кожу.

Мои лодыжки сцепились на его спине, его же тело продолжало совершать медленные горячие движения, будто бы запоздавшим эхом не желая заканчивать то, что было уже давно закончено. Только мужской язык коснулся мочки моего уха, моя голова невольно откинулась в сторону, подставляя еще больше эту часть тела для его ласк. Его язык не заставил себя ждать, еще раз опустил на ту же мочку и с чувством провел по ней от самого низа до верха, попутно послав небольшое облако горячего дыхания прямо в само ухо.

Мои пальцы гладили его по волосам, созданным из шелка, по его затылку, по крутым мышцам на руках. Хотелось трогать и трогать его, ощутить наконец-то то, о чем столько думала. И делать это беззастенчиво, потому что терять уже нечего. Скоро, совсем скоро все закончится...

Это случилось немного раньше – в мою дверь коротко постучали и, не получив от меня разрешения, вошли. Эврард застыл, медленно повернув голову в сторону двери, скользнул лбом по моей голой груди.

– Выйдите! – его приказ ударил по бедной мадам Ноелле с такой силой, что бедная экономка буквально вылетела из моей комнаты с такой ужасающей скоростью, как будто ее слизало языком сильнейшего ветра.

Можно было бы предположить, что теперь, когда дверь захлопнулась за неожиданной гостьей, все закончится, но де Даммартен внезапно сжал мои плечи и ускорив темп, участил толчки, наносимые его бедрами по мне. Он вбивал свое возбуждение в мое тело, слишком быстро ускоряясь, делал это с каким-то ненормальным остервенением так, что очень скоро я почувствовала настоящую боль. Вцепилась в его плечи ногтями, отвечая болью на боль – но ни его, ни меня это не остановило.

– Моя, – вдруг жутко прохрипел он.

Пальцы Эврарда оказались на моей ягодице и больно впились в нее, сжали с силой, подтверждая его слова о том, что принадлежу ему. Странно, но я почему-то ощутила удовлетворение от этого. Меня обрадовала эта боль! Еще сильнее скрестив лодыжки у него на спине, я стала двигаться с ним в такт, сама усилила собственную боль, словно хотела, чтобы он не просто вошел в меня, хотела чего-то большего, чего-то настолько большего, чего не могла себе в тот момент даже

вообразить.

Мои пальцы ослабили хватку, когда руки задрожали от того, что во мне разлилось что-то очень теплое. На пике нашего жуткого танца в постели, который начинали его бедра, а мои ягодицы подхватывали, во мне произошел взрыв, в этот же момент, над моей головой сдавленно, сквозь зубы прорычал де Даммартен. Спустя целую вечность, как мне тогда показалось, Эвхард оторвался от меня, сел на колени так, что мои ноги были переброшены через них. Когда он поднимался, мои пальцы как будто отлипли от его кожи, лишь много позже я пойму почему – они были в крови, ногтями я разодрала ему кожу в кровь – а де Даммартен на это даже бровью не повел. Он сел и заставил меня убрать скрещенные руки от груди. В полутьме помещения, Эвхард беззастенчиво разглядывал меня, его большие пальцы тем временем ласкали кожу под моим пупком. Я лежала на спине, на постели, где провела столько страшных ночей, на постели, которую залила своими слезами и безысходностью. И этот момент стал переломным в моем существовании на данной территории. Я не хочу больше называть ее своей комнатой. Больше жить здесь не буду – это уже решено.

– Ты молчишь, – глухо произнес Эвхард, впившись в мои глаза тяжелым взглядом.

– Я что-то должна сказать?

Де Даммартен даже в этой позе, на коленях, когда его мочее тело было полностью обнажено, сидел с прямой спи-

ной, ни на мгновение, не теряя своего достоинства. Не дрогнув, он возразил:

– Ждал, что ты попытаешься отбиваться или выставить меня из комнаты.

Он сделал паузу. Потом вдруг спросил:

– Почему ты не сделала этого?

– Это плохо?

– Это странно. Теперь я пытаюсь понять, что же ты задумала.

Я подтянула ноги к животу. Еще секунда и он меня раскроет. Если мое смущение на щеках в темноте он не заметил, то мурашки, покрывшие мои ноги, Эвхард почувствовал очень четко, хоть и позволил мне убрать с себя ноги.

– Что я могла задумать? Я в клетке.

– Ты? Ты де Мармонтель! – Эвхард выплюнул это с таким выражением лица, которое я не смогла понять. Он как будто и ненавидел эту фамилию, и как будто одновременно чего-то боялся. Так говорят, когда боятся проиграть. Ты как будто во что-то веришь, делаешь для того, чтобы это получить многое, но все равно заранее подозреваешь проигрыш.

На это я не успела ничего сказать. Где-то на улице послышался звук сигнализации. Он взорвал тишину вокруг замка, грозя перебудить всех его обитателей. Брови на лице де Даммартена еще не успели встретиться на переносице, как в коридоре послышались быстрые шаги, а затем раздался стук в дверь, но не в мою. Стучали в дверь его комнаты. Мужской

голос учтиво проговорил:

– Месье де Даммартен, ваш автомобиль... Кажется, его что-то задело, сработала сигнализация...

Так и не дождавшись ответа, работник замка удалился. Со стороны улицы продолжилась неприятная, немного давящая трель сигнализации. Эврард не сразу встал с кровати, бросил на меня неподъемный взгляд. Он оделся, я ждала, что потащит меня за собой, но у друга моего брата был иной план. Он вынул из кармана брюк ключ и велел мне:

– Собирайся. Через минуту я приду за тобой, и мы сразу же уезжаем.

На этом он вышел из комнаты и запер с той стороны дверь! Еле дождавшись, пока шаги в коридоре стихнут – бросилась к двери, дернула за ручку. Закрыта! Но не успела моя спина от ужаса безвыходности ситуации облиться холодным потом, как я услышала другие шаги. Они были быстрыми, семенящими. Кто-то, кто почти подбежал к моей двери, с той стороны дернул за ручку и получив тот же результат, что и я секунду назад, помедлив, вставил ключ и отпер дверь. Передо мной предстала мадам Ноелла!

– Скорее. Мадмуазель! У вас ровно две минуты, он сейчас вернется!!!

Мне хватило тридцати секунд, чтобы натянуть джинсы, пуловер и всунуть ноги в кроссовки. Мой рюкзачок с прошлого побега стоял нераспакованный – все драгоценности остались лежать в нем. Больше ничего не брала – выскочи-

ла в коридор, экономка снова заперла дверь и, схватив меня за руку, потащила в противоположную сторону от лестницы. Мы добежали до конца коридора, где она своим ключом открыла другую дверь – за ней оказалась узкая винтовая лестница. Мы поспешили по ней, бежали, почти не замечая ступенек под ногами. Здесь было темно, редкие лампочки, покрывшиеся слоями пыли, с трудом освещали нам дорогу. Наконец, мы оказались на первом этаже. Уперлись в узкую дверь – Ноелла толкнула ее и мы вошли в кабинет брата! Это была потайная дверь, которую скрывал один из старинных гобеленов. На этом была изображена сцена охоты в лесу.

Я не успела ничего рассмотреть, мельком увидела в окне за прозрачным тюлем, как Эврард быстро возвращается в замок.

– Быстрее, мадмуазель! – поторопила меня экономка, дернув за руку.

Мы поспешили в другой конец кабинета, где висел от пола до потолка еще один гобелен. Женщина оттянула его край и за ним оказалась еще одна узкая дверь.

– Мадмуазель, – зашептала экономка быстро, – вас сейчас встретят надежные люди. По этому тоннелю вы выйдете в парк – там вас ждет машина. Людям, которые пришли за вами можно доверять. Не бойтесь ничего, помните только одно – если вы хотите спастись от господина де Мармонтеля, вам стоит забыть свою настоящую фамилию по крайней мере до тех пор, пока жив хоть один из мужчин вашего рода.

Это не мои слова – это слова мадам Селестины. А теперь, бегите, мадмуазель. И хранит вас бог!

Она открыла дверь и втокнула меня в темноту. Дверь за спиной захлопнулась, на какое-то мгновение наступила мертвенная тишина. Где-то позади услышала, как мадам Ноелла выбежала из кабинета брата. Передо мной же из темноты сверкнула вспышка – как оказалось, это был фонарик на телефоне.

– Наконец-то! – сказал чей-то незнакомый голос. – Крошка, я долго тебя ждал! Идем!

Рука того, кого я не видела, схватила мою и теперь этот незнакомец потащил меня за собой. Он только шепнул:

– Пока не сядем в машину, молчи. Здесь неплохая слышимость, Ноелла просила заткнуться.

Его французский язык звучал иначе, не так, как у обитателей замка. Он, мне показалось, коверкал слова. Вспомнилось, что говорила экономка – семья, которая меня приютит, бедна. Что ж. Думаю, они не беднее, чем я.

Споткнувшись обо что-то под ногами, я налетела на того, кто шел впереди. Он негромко выругался. Я поняла по тону. Слов таких не знаю. Мама Нина не учила меня ругательствам. Мы поспешили дальше. Тоннель был узким, древним, если бы я была выше ростом, как этот парень, мне тоже бы пришлось проделать весь путь в полусогнутом состоянии. Здесь стоял невыносимый запах гнили, сырости, а под ногами периодически хлопала вода. Быстро идти не получалось,

тоннель постоянно петлял, разогнавшись, мы рисковали вре-
заться во встречную стену.

Когда в конце показалось бледное пятнышко, у меня в кармане завибрировал телефон. Золотой подарок брата раз-
дробил тишину.

– Дьявол! – выругался мой провожатый. – Ты что, взяла с собой телефон?! Спать нас хочешь?!!

Незнакомец выхватил аппарат у меня из рук и бросил его на землю. Тут же стукнул по нему каблуком, разломав экран, он заставил дорогой гаджет умолкнуть.

– А теперь бегом! Черт тебя дери!!!

Он дернул меня за руку и рванул к свету. Обивая носки ботинок о каменные выступы, мы преодолели несколько де-
сятков метров и, в конце концов, нырнули в кусты. На ули-
це тоже было темно, тот свет, что мы увидели, был свет от фар автомобиля. Старая, маленькая французская машинка, за рулем которой был темнокожий парень. Тот, что вел меня, теперь уже громко велел:

– Быстро, в машину! Алле! Алле! Поехали!!!

Мой провожатый со второго раза захлопнул за мной ржа-
вую дверцу, и водитель вжал педаль газа в пол. Маленькая машинка рванула с места, оставив после себя на земле две борозды. Дорога была лесной, ухабистой, лишь нескоро я поняла, что это парк, который был виден с конюшен.

– Черт, – вырвалось у меня сдавленное после того, как меня снова подкинуло на одной из кочек, и я сильно стукнулась

головой о низкий потолок маленькой машинки.

– Пристегнись! – крикнул мне с переднего сиденья бывший провожатый, но сразу за этим выпалил:

– Стой! Черт? Ты русская?

Мгновенно перейдя на мой родной язык, парень с французским акцентом повторил:

– Русская?

У меня как будто только теперь открылись глаза. Я поняла, что на передних сиденьях едут два абсолютно разных человека. Один имеет короткие черные волосы, гладко выбритые на темнокожем затылке – этот за рулем. Мой же провожатый имеет ослепительно белую кожу. Он повернулся и теперь я увидела перед собой два светлых глаза. Тонкие черты лица, впалые щеки. Этому парню ненамного больше лет, чем мне. И он... русский!

– Русская!

– О... – он рассмеялся. – Привет! Почему ты сразу не сказала? Привет! – он уже весело улыбался и протянул мне со своего переднего сиденья руку для пожатия. – Меня зовут Александр! А тебя?

– Лулу, – ответила, растянув улыбку.

– Лулу? Это французское имя.

– Лулу Рыбакова! – добавила, теперь уже рассмеявшись ему в ответ.

Было так странно в этой ситуации натолкнуться на земляка. В этой чужой стране, должной быть мне родиной, встре-

тить кого-то, кто разговаривает на твоём языке – почти как встретить очень близкого родственника.

– А! Ну, теперь все понятно! – выпалил Александр, пожав мне руку.

– О чём вы там говорите? Я не понимаю! – возмутился водитель.

Теперь разглядела и его. Он тоже был довольно молодым. Наверное, друг этого Александра.

– Ни о чём! Знакомимся! Следи за дорогой, Гильбэ! И прибавь газу. За этой девчонкой могут гнаться, крестная Ноелла сказала, что она этим богатеям очень нужна. Чертовы аристократы! Воруют наших девчонок.

– Не волнуйся, Саша, – ответил друг, сделав ударение в имени на последнюю букву. – Гильбэ уйдёт от любой погони! Лучше скажи ей, пусть пристегнется, а то мы на этой дороге рискуем колеса потерять!

Машинка свернула с основной дороги в первую попавшуюся деревушку, мы запетляли по улочкам, пока не проскочили город и не выехали на большое шоссе. Там вскоре снова свернули и заехали в лес. На пустынной парковке пересели в другую машину. Она была чуть лучше той, в которой мы ехали, но тоже рабочая лошадка. Снова вернулись на шоссе и помчались в сторону Парижа, города мечты, в котором почти девятнадцать лет назад была моя мама Нина. Ехали в город, из которого она бежала от де Мармонтелей и в который еду я, тоже в побеге от них. И не только.

В дороге, под гроыхавшую из динамиков в машине французскую музыку, оглушительный звук, который не позволял разговаривать, я смотрела в окна и не разбирая пейзажей, видела перед собой только одну картину. Ту, которая теперь намертво засела в моей памяти. Это был образ Эврарда. Страшного человека, предателя, лгуна. И того... от кого мне не хотелось бежать. До последнего момента, сердцем, мне хотелось сделать наоборот. Но чертов ум подсказывал, что именно это и станет для меня роковой ошибкой. Последней, от которой будет уже не уберечься.

На небе забрезжил рассвет, очень быстро, буквально минут за двадцать стало совсем светло. Я потеряла друг о друга ладоши – было холодно. А еще, мне что-то мешало на руках, словно я испачкала их в чем-то липком. Мой взгляд опустился на мои пальцы, из горла вырвался сдавленный вздох – под ногтями на обеих руках была кровь. На подушечках пальцев была кровь. Она не была моей.

Бежав из замка, я прихватила с собой кое-что мне не принадлежавшее.

Глава 10

Я ожидала увидеть Париж, а на самом деле попала в город, далекий от того Парижа, к которому готовила меня мама Нина. Как позже я узнаю – это как бы пригород Парижа, а по факту совсем другой городок. Здесь есть старый центр, где можно найти дома четырнадцатого, пятнадцатого веков, но меня привезли в бесконечный район современных многоэтажек. Здесь современные улицы, по которым ездит много автомобилей на любой кошелек и год выпуска. Здесь на улицах можно встретить человека с любой национальностью. Женщины в черных балахонах с детьми на руках, молодые индусы, турки, русские, китайцы, африканцы, казахи, корейцы, украинцы, скандинавы, за время двухчасовой пробки на въезде я, мне так показалось, успела увидеть весь белый свет в лицах местных жителей.

В конце концов мы подъехали к многоэтажному дому длинной в целую улицу. Гильбэ остановил машинку у одного из подъездов.

– Приехали, – даже не попытавшись сделать музыку чуть тише, выкрикнул он во всеуслышание.

Я выглянула в окошко, посмотрела наверх – дом не казался приветливым. Но после сказочного, почти нереального замка де Мармонтель, этот район показался настоящей жизнью.

– Спасибо, приятель! – похлопал по плечу чернокожего водителя, Александр.

– Ничего! Обращайся, если надо будет украсть еще кого-то! Ты же знаешь, я всегда на подхвате!

– Давай, давай, – отшутился парень, с которым я должна была отправиться дальше.

Они попрощались, и мы с Сашей вылезли из крохотного автомобильчика. Я на мгновение позволила себе прикрыть веки и втянуть ноздрями воздух. Утренняя прохлада, зима здесь тоже отчётливо чувствовалась. Вокруг ходили люди, такие обычные, ничего схожего с теми, кто живет в замке. Никакой жеманности. Рюкзаки за спиной, обычные лица, обычные ежедневные проблемы на них. И если не считать, что каждое из этих лиц почти всегда разной национальности, то можно сказать – это и вправду настоящий мир.

– А ты красивая, Лулу Рыбакова, – Саша разбудил меня своим смешком.

Посмотрела на него, теперь и его лицо было хорошо освещено, теперь я тоже могу его рассмотреть. Он тоже очень симпатичный, и по внешности сразу чувствуется – наш. Правда, прическа такая аккуратная, сам, конечно, более утонченный, холеный что ли больше, чем парни его возраста из моего родного города. Хотя... Что теперь считать моим родным городом?

– Идем внутрь, покажу тебе, где ты будешь жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.